

DOI 10.5862/JHSS.215.13

УДК 94 (470)

С.И. Никонова

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В 1960–1980-е ГОДЫ (на материалах федеральных и региональных архивов)

НИКОНОВА Светлана Игоревна – доктор исторических наук, заведующий кафедрой Казанского государственного архитектурно-строительного университета.

Россия, 420043, Казань, ул. Зеленая, 1

e-mail: svetakgasu@rambler.ru

Статья посвящена исследованию отдельных аспектов культурной политики Советского государства в 1960–1980-х гг. на основе архивных документов, а именно писем представителей творческой интеллигенции «во власть». Раскрыты сложные и неоднозначные взаимоотношения власти и советской художественной элиты: наличие жесткого идеологического контроля, преследование эстетического инакомыслия и в то же время поощрение лояльных деятелей культуры посредством членства в творческих союзах, предоставления права на публикации, персональные выставки и заграничные командировки, наград и премий, решения бытовых и семейных проблем.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА; ТВОРЧЕСКИЕ СОЮЗЫ; ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА; ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ.

В истории человечества, пожалуй, не существовало государства, которое в какой-то степени не управляло бы культурой и художественной жизнью. Одной из особенностей советской культурной политики являлось то, что в ее разработке и осуществлении направляющая роль принадлежала КПСС, которая вносила в эту область определенные идеологические директивы.

Власть и художник, идеология и культура взаимосвязаны, коадаптированы, более того, социальные функции их близки: проводить в жизнь, в социум некую систему взглядов, ценностей в реальном или же виртуальном формате. В Советском государстве это совпадение и соответственно творческое признание для деятелей культуры материализовались в виде премий, почетных званий и наград, денежных вознаграждений, участия в престижных мероприятиях, публикаций, включения в аннотации, энциклопедии, словари, участия в выборных представительных органах, положительной критики и т. п. Таким образом, власть предъявляла к художнику определенные требования, очерчивая границы дозволенного, поддерживала материально, оставляя некую иллюзию сво-

боды, и в то же время устанавливала жесткий диктат идеологии.

Следует признать, что большая часть советской художественной интеллигенции приняла идеологические параметры творчества, определенные правила игры и следовала им в официальном порядке. Возможно, что в разговорах «на кухне», в узком кругу приятелей и единомышленников, идеологический диктат партии обсуждался и осуждался. В определенных кругах интеллигенции это было некоей модой – обсуждать и осуждать политику партии и правительства, что, конечно, нельзя отнести к проявлениям нонконформизма.

Своеобразные отношения представителей творческой интеллигенции с властными структурами нашли отражение в письмах в партийные органы. Этот своеобразный «роман в письмах» содержит обращения по актуальным политическим вопросам, бытовые темы, отражает личные мотивы, амбиции, обиды, зависть, ревность к успехам других и т. д. Таким образом, письма «во власть» представляют собой отдельную группу источников, иллюстрирующих сложные взаимоотношения советской власти и художественной интеллигенции позднего советского периода.

Известны также письма А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и других выдающихся писателей в высокие инстанции, на высочайшее имя. В большинстве своем они содержали просьбы личного характера: о выезде за границу, разрешении публикации, материальной помощи и т. д. Политические темы, как правило, не поднимались.

Исключением, пожалуй, можно считать письмо (1902) Л.Н. Толстого Николаю II о тяжелом положении народа в России. В этом письме великий писатель обращается к императору: «Брат!» *«Такое обращение я счел наиболее уместным потому, что обращаюсь к Вам в этом письме не столько как к царю, сколько как к человеку — брату»* [1, с. 502–508]. Сложно представить, что под этим или подобным письмом собирались бы подписи известных людей, общественных деятелей, тем более людей искусства.

Широко известно послание А.И. Солженицына «Письмо вождям Советского Союза» (1974). В нем, в частности, говорится: *«Все в стране давно держится лишь на материальном расчете и подчинении подданных, ни на каком идейном порыве, вы отлично знаете это. Сегодня эта идеология уже только ослабляет и связывает вас. Она захламливает всю жизнь общества, мозги, речи, радио, печать — ложью, ложью, ложью»* [2, с. 40–41].

В 1960-х гг. новым явлением в жизни советского общества стали «кампании подписантов» — составление посланий и сбор подписей против «произвола властей», в защиту правозащитников и т. п., в которых участвовали известные люди, деятели науки, культуры, искусства. Проходили петиционные кампании в защиту А. Синаевского и Ю. Даниэля, Ю. Галанскова и Ю. Гинзбурга, А. Сахарова и А. Солженицына.

Одной из первых подобных акций стало распространение так называемого «Письма двадцати пяти». *«Мы считаем, что любая попытка обелить Сталина таит в себе опасность серьезных расхождений внутри советского общества»* — под этим текстом поставили свои подписи главные режиссеры ведущих театров страны О. Ефремов и Г. Товстоногов, писатели В. Катаев и К. Чуковский, художник П. Корин, академики П. Капица, А. Арцимович, А. Сахаров и др. — всего 25 человек [3, с. 487].

Деятели культуры и науки, разделяя опасения части общества относительно реабили-

тации сталинизма, выразили их в письменной форме. Не имея возможности опубликовать письмо, авторы сделали попытку довести его содержание до максимально большого числа людей, в основном представителей творческой и научной интеллигенции.

Властью предпринимались попытки воздействовать на подписавшихся через трудовые коллективы, творческие организации, через «профилактирование» и доверительные беседы. Эти меры имели некоторый эффект, и число «подписантов» сокращалось. В 1970-е гг. открытые письма в адрес партийных и государственных органов в знак протеста против внутренней и внешней политики государства практически прекратились. В какой-то степени это можно связать с разочарованием в результативности подобных «акций протеста», «взрослением» советской интеллигенции поколения «шестидесятников», которая расставалась с романтизмом в отношении к власти.

Распространенной практикой была и публикация «альтернативного письма» в рамках поднятой темы, под которым стояли не менее знакомые публике фамилии. В первом случае деятели искусства подписывали такие письма в том числе и потому, что порой неудобно было отказать тем, кто попросил, не интеллигентно, что ли; во втором случае мотивы могли быть иные (карьера, признание, материальные или иные перспективы).

Так, в рамках кампании против Солженицына и Сахарова в «Правде» 31 августа 1973 г. было опубликовано открытое письмо группы известных советских писателей в связи с «антисоветскими действиями и выступлениями А.И. Солженицына и А.Д. Сахарова», под которым стояла 31 подпись (С. Михалкова, Ч. Айтматова, В. Быкова, Ю. Бондарева, Р. Гамзатова и др.). Известны и другие подобные письма.

Объективности ради можно предположить, что и в том, и в другом случае мотивы «подписантов» могли быть вполне искренни. В условиях развернувшейся масштабной кампании против инакомыслящих отношение советского общества к диссидентам было отрицательное. Удачно подобранное слово «диссидент» уже вызывало неприятие, означало связь с иностранной разведкой, «происками империалистов и спецслужб».

Еще одна группа образцов эпистолярного жанра – «покаянные» письма деятелей искусства, которых власть подвергла сокрушительной критике. Нелегко было выстоять после разгрома в высоких инстанциях, остаться на плаву. Одной из традиционных форм самозащиты было публичное покаяние. Так, в «Правде» в ноябре 1958 г. были опубликованы покаянные письма Б. Пастернака, связанные с публикацией романа «Доктор Живаго» и присуждением ему Нобелевской премии.

«Уважаемый Никита Сергеевич, я обращаюсь к Вам лично, ЦК КПСС и Советскому Правительству. Из доклада т. Семичастного мне стало известно о том, что правительство „не чинило бы никаких препятствий моему выезду из СССР”. Для меня это невозможно. Я связан с Россией рождением, жизнью, работой. Я не мыслю своей судьбы отдельно и вне ее. Каковы бы ни были мои ошибки и заблуждения, я не мог себе представить, что окажусь в центре такой политической кампании, которую стали раздувать вокруг моего имени на Западе...» [4, л. 64].

Каялся в письме (1962) Н.С. Хрущеву скульптор Э. Неизвестный после разносной критики, устроенной его работам на выставке в Манеже.

«Дорогой Никита Сергеевич! Я боюсь показаться нескромным, но я преклоняюсь перед Вашей человечностью, и мне много хочется писать Вам самых нежных и теплых слов. Никита Сергеевич, клянусь Вам и в Вашем лице партии, что буду трудиться, не покладая рук, чтобы внести свой посильный вклад в общее дело на благо народа» [5, л. 1–3].

Трудно представить, что Э. Неизвестный был предельно искренен. Власть также ему не доверяла: долгие годы художник был под наблюдением органов госбезопасности. И все же Неизвестный получал заказы на Западе, за границей проходили его выставки, продавались картины.

Безусловно, заслуживают внимания и обращения представителей художественной интеллигенции в ЦК КПСС по вопросам собственно творческим, по вопросам культуры. Так, коллективные и личные письма составили внушительный массив откликов в связи с ситуацией, сложившейся в 1970 г. вокруг журнала «Новый мир» и его главного редактора А.Т. Твардовского.

«Мы совершенно убеждены, что для блага всей советской культуры необходимо, чтобы „Новый мир” продолжал свою работу под руководством А.Т. Твардовского и в том составе редколлегии, который он считает полезным для журнала...». Коллективное письмо советских писателей Л.И. Брежневу подписали А. Бек, В. Каверин, Б. Можаяев, А. Рыбаков, Ю. Трифонов, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, М. Алигер, Е. Воробьев, В. Тендряков, Ю. Нагибин, М. Исаковский [6, л. 35].

Мы сомневаемся, что письма в защиту «Нового мира» и его главного редактора в какой-то степени повлияли на решение властей о снятии А.Т. Твардовского с его поста. За писателем шла оперативная слежка, фиксировались его высказывания в узком кругу, настроения и эмоции. Отчеты регулярно отправлялись органами госбезопасности в ЦК КПСС [7, л. 1].

Особого внимания заслуживают письма деятелей искусства, эмигрировавших из СССР. Расставание с Родиной для многих из них стало тяжелейшей драмой, независимо от мотива отъезда. Так, через месяц после вынужденного отъезда из СССР поэт И. Бродский написал письмо Л.И. Брежневу.

«Уважаемый Леонид Ильич, я прошу дать мне возможность и дальше существовать в русской литературе, на русской земле. Я думаю, что ни в чем не виноват перед своей Родиной. Напротив, я думаю, что во многом прав. Я не знаю, каков будет Ваш ответ на мою просьбу, не знаю, будет ли он иметь место вообще. Но скажу Вам, что в любом случае, даже если моему народу не нужно мое тело, душа моя ему еще пригодится» [8].

А. Тарковский, оказавшись на чужбине, неоднократно писал в высокие инстанции, в основном по вопросам творческим, в которых были и боль, и горечь от осознания ненужности собственного творчества на Родине, от обстановки откровенной травли собратьями по киноцеху.

«На кинофестивале в Канне в 1982 г. Госкино не только не поддержало меня как советского кинорежиссера с фильмом „Ностальгия”, но сделало всё, чтобы разрушить его успех на фестивале. Произошло это не без активной помощи советского члена жюри, специально для этого посланного на фестиваль» [9, л. 161].

Известны письма Ю. Любимова в адрес М.С. Горбачева и ряд других.

Весьма своеобразными являются письма и обращения деятелей искусства к власти «по личным вопросам». В них — бытовая неустроенность, зависимость от власти, в том числе и материальная, посредством которой держались на коротком поводке даже самые знаменитые деятели культуры.

Так, в 1962 г. министр культуры СССР Е.А. Фурцева ходатайствовала перед ЦК КПСС о поездке С.Т. Рихтера в ФРГ к тяжело больной матери и о выделении ему «дотации в сумме одной тысячи долларов на покрытие расходов по поездке». Для сведения сообщается, что только за гастрольные поездки С. Рихтера в Италию и Францию будет сдано в госбюджет более 50 тыс. долларов прибыли [10, л. 208].

Еще один документ по «делу С.Т. Рихтера» — ходатайство заместителя министра культуры СССР В.И. Попова от 1 сентября 1972 г. в Совет министров СССР т. Мазурову о выделении Рихтеру земельного участка для строительства дачи. Через две недели по следам «разрешения» этой проблемы к Мазурову обратилась Е.А. Фурцева. 22 июня 1978 г. министр культуры СССР П.Н. Демичев обратился к Председателю Совета министров СССР А.Н. Косыгину с той же просьбой [11, л. 1; 12, л. 30].

Группа солистов Большого театра Союза ССР 19 июня 1973 г. обратилась в Совет Министров СССР с аналогичной просьбой: выделить дачный участок 10 ведущим работникам театра, среди которых М. Плисецкая, А. Огнивцев, Е. Максимова, В. Васильев, А. Ведерников и другие выдающиеся артисты, лауреаты Государственных премий, народные артисты СССР и РСФСР, приносившие советской казне в течение ряда лет существенный доход в иностранной валюте [13, л. 70].

Еще один документ — ходатайство П.Н. Демичева в ЦК КПСС о прикреплении Г.С. Улановой к «столовой лечебного питания» от 30 мая 1980 г. Ответственный секретарь Комиссии по установлению персональных пенсий при Совете министров СССР 9 июня 1980 г. сообщил, что Уланова прикреплена к «столовой лечебного питания» [14, л. 25–27].

Таким образом, бытовая проблема могла быть разрешена только на высоком уровне, и в этом случае решалась практически молниеносно.

Среди писем «во власть» художественной интеллигенции были послания откровенно кля-

узного характера, в большинстве случаев анонимные, в которых зависть и ревность к коллегам по цеху соединена с идеологическим доносом.

Так, организованный в 1979 г. камерный оркестр «Виртуозы Москвы» под руководством В. Спивакова скоро стал явным лидером среди музыкальных коллективов страны. Оркестр успешно гастролировал в стране и за рубежом, был отмечен зарубежными критиками и, что немаловажно, приносил существенную прибыль в фонд Госконцерта. Однако попытки Министерства культуры СССР решить вопрос о повышении ставок музыкантам оркестра до 260–300 рублей в месяц (при существовавшей оплате в размере 150–200 рублей) не увенчались успехом. Аналогичное решение было принято и по ставке руководителя оркестра В. Спивакова: вместо просимых 500 рублей власть назначила 400. Долгая эпопея с назначением окладов сопровождалась письмами от коллег по «музыкальному цеху» откровенно кляузного характера. Руководство Московского камерного оркестра 8 сентября 1981 г. направило на имя В.Н. Макеева, заместителя Председателя Совета министров СССР, письмо «О нездоровой конкуренции со стороны камерного ансамбля „Виртуозы Москвы“», в котором подробно и весьма аргументированно рассматривался вопрос об увеличении ставок в оркестре «Виртуозы Москвы», что воспринималось в Московском камерном оркестре как оскорбление [15, л. 37–38, 41–44].

Немало было анонимных писем, которые принимались на рассмотрение высокими инстанциями с вынесением соответствующего решения.

«Просим извинения, что письмо наше не подписано, в данной обстановке мы боимся лишиться работы... Пользуясь своим служебным положением, он позволяет себе быть грубым, бестактным, черствым, создает нервную обстановку в работе...» — из анонимного письма солистов балета Большого театра СССР о Ю. Григоровиче [16, л. 32–34].

Эмиграция творческой интеллигенции в этот период не была исключительным явлением. Разнообразны были причины и способы перехода в положение эмигрантов: одни оставались на Западе во время гастролей, превращались в «невозвращенцев» и клеймились как предатели и враги; другие высылались за гра-

ницу после лишения советского гражданства; были отъезды разрешенные, например отъезд евреев в Израиль на постоянное место жительства. Политических причин для эмиграции у творческой интеллигенции, как правило, не было. Напротив, большинство называет в качестве причины отъезда потребность в свободе творчества, в свободе выбора, «эстетические разногласия». Указывать в качестве причины желание «работать на себя», стремление к материальному благополучию было не принято.

В региональных творческих организациях запросы были проще, звучали более конкретно. Нередки были доносы, анонимки, коллективные письма и прочие документы, направляемые в высокие инстанции, вместе составляющие комплекс материалов для иллюстрации морально-психологического климата в творческих организациях.

Так, в письмах в высокие инстанции 1970-х гг. представлен, по мнению их анонимных авторов, «компромат» на председателя Союза писателей Татарии Г. Ахунова. Деятельность писателя была названа в них порочной, приведен список его «сообщников». Подробный анализ литературных произведений народного писателя ТАССР заканчивался совершенно фантастическими выводами о некоей группе во главе с Г. Ахуновым, вытесняющей с литературного поля республики наиболее талантливых и преданных идеям социализма писателей, что оценивалось как сознательное вредительство [17, л. 22].

Можно выделить еще одну группу документов – письма и заявления обиженных авторов, среди которых просьбы улучшить материальное положение, жилищные условия, разрешить пользование элитной поликлиникой и другие «коммунальные» проблемы. Причем «инженеры человеческих душ» пристально и весьма ревниво следили друг за другом на предмет получения жизненных благ.

В одном из писем автор весьма эмоционально сообщает, что ему нанесено «общественное оскорбление» в связи с тем, что лично он по итогам Дней татарской литературы и искусства в Москве не получил награды, в то время как другие награждены и отмечены (приводится подробный список). В ответе из ОК КПСС обиженному писателю разъяснено, что в течение предыдущих двух лет он уже был

награжден Почетной грамотой ОК КПСС и орденом «Знак Почета», поэтому его претензии необоснованны [18, л. 55].

В 1970-х гг. имели место неоднократные обращения в Татарский ОК КПСС, Министерства культуры ТАССР и РСФСР, лично к М.А. Су слову и А.Н. Косыгину, содержащие протестные заявления в отношении ведущего композитора республики Н. Жиганова, который долгие годы был председателем Союза композиторов ТАССР и ректором Казанской консерватории. Конфликт продолжался и после смерти композитора. В обращениях граждан – просьба присвоить Казанской консерватории имя татарского композитора С. Сайдашева, при этом авторы посланий дискредитируют имя Н. Жиганова, умаляют значение его творчества. В данной группе документов выделяются коллективные письма колхозников, явно составленные человеком образованным, вряд ли принадлежавшим к этой среде. «Труженики села» просят присвоить консерватории имя С. Сайдашева, а не Н. Жиганова, так как музыка первого им близка и понятна, а творчество второго (автора опер «Джалиль» и «Алтынчеч», крупных симфонических произведений) коллективно отвергается. В конце письма стоят подписи «механизаторов, доярок и скотников» – «любителей симфонической музыки, постоянных посетителей консерватории» [17]. Безусловно, люди, поставившие свою подпись под кем-то сочиненным письмом, к интриге в Союзе композиторов непричастны. Режиссеров этого акта гражданского выступления следует искать, скорее всего, в среде композиторов Татарии.

Большинство деятелей культуры пользовались благами, которые давало членство в творческом союзе, стремились получить это членство как гарантию благополучной творческой и личной жизни, решения материальных проблем. «Неустроенный быт, к тому же безнадежное состояние медицинского обслуживания, к тому же невозможность обеспечить семью летним отдыхом, к тому же отсутствие собственного угла для работы, к тому же невозможность купить машину за свои же деньги, записаться в кооператив или на дачный участок, съездить в турпоездку за границу – все эти обычные житейские мелочи не могли не способствовать желанию попасть в Союз (кинемаграфистов, писателей и т. д.)» [19, с. 239–240].

Чувство приобщенности к элите, близость к распределению вождельных благ, к легендарной 200-й секции ГУМа, спецполиклинике, спецпайку — всё это давало членство в творческом союзе. Увы, только талант не мог обеспечить пропуск в этот чудесный мир спецблаг, нужны были лояльность, принятие и соблюдение определенных ритуалов художественной жизни в СССР.

Казалось, созданная за годы советской власти путем «селекции» творческая интелли-

генция и ее организации являлись послушным орудием правящей партии. И всё же творческие люди не могли не чувствовать изменений, которые происходили в советском культурном пространстве, а в ряде случаев и инициировать некоторые процессы. Во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. авангардом реформации в СССР станет именно творческая интеллигенция, которую политическая элита использовала в том числе и в качестве разрушителя советской идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22 т. Т. 20. М.: Худ. лит., 1984.
2. Солженицын А.И. Письмо вождям Советского Союза. Париж: Пресс, 1974. 51 с.
3. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 2 т. Т. 2. М., 2003. 958 с.
4. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 34. Д. 269.
5. РГАНИ. Ф. 89. Пер. 18. Д. 53.
6. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 84.
7. РГАНИ. Ф. 89. Пер. 37. Д. 25.
8. Письмо И. Бродского Л.И. Брежневу, 4 июля 1972 г. / Персон. арх. А.И. Волкова. Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов, документы. М.: Изд-во Моск. шк. полит. исслед., 2000. 616 с.
9. РГАНИ. Ф. 89. Пер. 11. Д. 108.
10. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 143.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 107. Д. 1096.
12. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 112. Д. 1112.
13. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 107. Д. 1091.
14. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 193.
15. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 140. Д. 1208.
16. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 230.
17. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 8. Д. 1302.
18. ЦГА ИПД РТ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1202.
19. Липков С. Испытание пряником // Художник и власть. М.: Искусство, 1992.

S.I. Nikonova

THE SOVIET AUTHORITIES AND INTELLECTUALS IN 1960s–1980s (on the materials of the federal and regional archives)

NIKONOVA Svetlana I. — *Kazan State University of Architecture and Engineering*.
Zelenaya ul., 1, Kazan, 420043, Russia
e-mail: svetagasu@rambler.ru

The article investigates the individual aspects of the cultural policy of the Soviet state in the period of 1960–1980 based on archival documents, namely letters of intelligentsia “in the authority.” This range of sources illustrates the complex and ambiguous relationship between the government and the Soviet artistic elite: the presence of tight ideological control, the pursuit of an esthetic dissent, and at the same time—the promotion of cultural loyalty through membership in the creative unions, granting the right to publish and solo exhibitions, foreign business trips, awards and prizes, resolution of domestic and family problems.

SOVIET CULTURAL POLICY; CREATIVE UNIONS; THE SPIRITUAL LIFE OF SOVIET SOCIETY; IDEOLOGICAL CONTROL IN THE SPHERE OF CULTURE.

REFERENCES

1. Tolstoy L.N. Collected works. In 22 vol. Of vol. 20. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984. (In Russ.)
2. Solzhenitsyn A.I. Pis'mo vozhdym Sovetskogo Soyuzu. Paris, Press Publ., 1974. 51 p.
3. Reabilitatsiya: kak eto bylo. Dokumenty Prezidiuma TsK KPSS i drugiye materialy. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Komissiya pri Prezidente RF po reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy; Mezhdunarodnyy fond "Demokratiya" Publ., 2003. 958 p. (In Russ.)
4. [Russian state archive of contemporary history]. F. 3. Op. 34. D. 269. (In Russ.)
5. [Russian state archive of contemporary history]. F. 89. Per. 18. D. 53. (In Russ.)
6. [Russian state archive of contemporary history]. F. 5. Op. 62. D. 84. (In Russ.)
7. [Russian state archive of contemporary history]. F. 89. Per. 37. D. 25. (In Russ.)
8. Letter of Joseph Brodsky L.I. Brezhnev. July 4, 1972. Personal archive A.I. Volkova. Pressa v obshchestve (1959–2000). Otsenki zhurnalistov i sotsiologov. dokumenty. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2000. 616 p. (In Russ.)
9. [Russian state archive of contemporary history]. F. 89. Per. 11. D. 108. (In Russ.)
10. [Russian state archive of contemporary history]. F. 5. Op. 36. D. 143. (In Russ.)
11. [State archive of the Russian Federation]. F. R-5446. Op. 107. D. 1096. (In Russ.)
12. [State archive of the Russian Federation]. F. R-5446. Op. 112. D. 1112. (In Russ.)
13. [State archive of the Russian Federation]. F. R-5446. Op. 107. D. 1091. (In Russ.)
14. [Russian state archive of contemporary history]. F. 5. Op. 77. D. 193. (In Russ.)
15. [State archive of the Russian Federation]. F. R-5446. Op. 140. D. 1208. (In Russ.)
16. [Russian state archive of contemporary history]. F. 5. Op. 66. D. 230. (In Russ.)
17. [Central state archive of historical and political documents of the Republic of Tatarstan]. F. 15. Op. 8. D. 1302. (In Russ.)
18. [Central state archive of historical and political documents of the Republic of Tatarstan]. F. 1. Op. 8. D. 1202. (In Russ.)
19. Lipkov S. Ispytaniye pryantikom. *Khudozhnik i vlast'*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1992. (In Russ.)